

УДК 641.55
ББК 36.997
М54

Метельская-Шереметьева, Инна.

М54 Рецепты еврейской мамы, 30 лет спустя / Инна Метельская-Шереметьева. — Москва : Эксмо, 2021. — 304 с. — (Есть. Читать. Любить).

ISBN 978-5-04-113378-8

Новая книга известнейшей кулинарной писательницы Инны Метельской-Шереметьевой — это яркое и увлекательное продолжение бестселлера «Рецепты еврейской мамы», вышедшей несколько лет назад и непохожей на другие книги замечательного домашнего повара и талантливой рассказчицы.

В новой книге вы вновь встретитесь со «старыми знакомыми» — Анной Ароновной и Борисом Абрамовичем Беренштам, только 30 лет спустя, а также с колоритнейшими новыми персонажами, знакомство автора с которыми пришлось на постперестроечную эпоху. Время лихое, странное, но удивительное, и перед вами оно откроется с точки зрения остроумной писательницы, которая сможет рассказать и о трагическом, и о комическом поразительно проникновенно. Поклонники же кулинарного творчества автора, как всегда, найдут на страницах книги много нового — более 90 рецептов на любой вкус никого не оставят равнодушными.

**УДК 641.55
ББК 36.997**

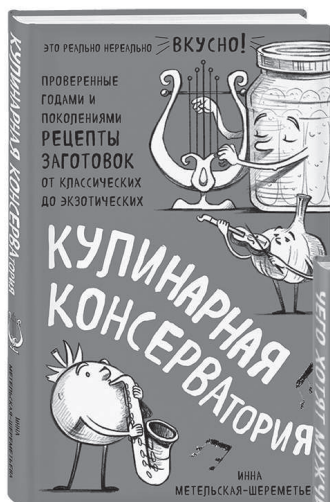
**ISBN 978-5-04-113378-8 © Инна Метельская-Шереметьева, текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021**

Простые, лихие, искрометные, яркие, ароматные — прямо как в фильмах Кустурицы — блюда от **Метельской-Шереметьевой** не смогут оставить равнодушными абсолютно никого!

КАК ПРИГОТОВИТЬ ЧТО-ТО, ЧТОБЫ
ВСЕ ПРОСТО СТОНАЛИ ОТ ВОСТОРГА
И НАХВАЛИВАЛИ ВАШИ КУЛИНАРНЫЕ
ТАЛАНТЫ...

ИНТЕРЕСНО?

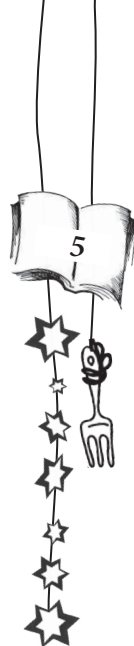

Это лишь маленькая толика из сокровищницы
рецептов талантливой женщины и отменного кулинара —
ИННЫ МЕТЕЛЬСКОЙ-ШЕРЕМЕТЬЕВОЙ.

Содержание

ГЛАВА 1	А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?	6
ГЛАВА 2	РАССКАЗ ТЕТИ АНИ	21
ГЛАВА 3	ПЕРВЫЙ ВЫХОД В СВЕТ И ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ «ГОСТИ»	40
ГЛАВА 4	ПОСИДЕЛКИ НА ТВЕРСКОЙ И САЛЮТ КО ДНЮ ПОБЕДЫ	54
ГЛАВА 5	ЦИЛЯ. И ЭТО ВСЕ О НЕЙ	93
ИНДЕКС РЕЦЕПТОВ		301

Глава 1

А был ли мальчик?

Увы... Всего через несколько коротких месяцев мне исполнится 55 лет. Я это отчетливо понимаю, снова и снова вычитая дату своего рождения из симпатичной и символичной цифры «2020». Так был ли мальчик? Или, точнее, если перефразировать знаменитую цитату под меня, «была ли девочка?» Что произойдет, когда я осознаю, что теперь мой возраст равен полусотне плюс пяти... пяти десяткам с хвостиком... полтиннику и еще пяти копейкам... Как там еще? БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЛОВИНЕ ВЕКА?

Что случится в тот момент?

Я все еще буду я или это будет кто-то другой?

Старая незнакомка? (Кстати, какое из этих двух слов можно считать главным?)

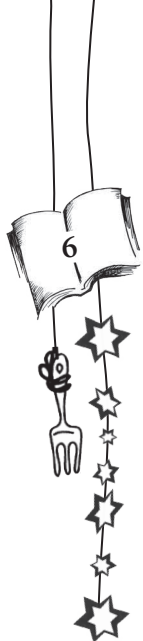
Я уже почти не помню то счастливое время, когда возраст измерялся не годами, а месяцами и даже днями.

«Нашей крошке уже две недели»...

«Подумайте! Ей уже пять месяцев!»...

«Мы вчера отпраздновали семь месяцев и семь дней нашей малышки!»...

Не только мы, дети, но и родители, стремясь постичь волшебную ценность нашего существования,

воспринимаем поначалу собственный возраст не только в годах, но и в месяцах. Согласитесь, «пять месяцев и пять дней» звучит значительно более круто, чем просто какие-то «пять месяцев»...

Это уже потом, много-много лет спустя, мы научимся игнорировать эти самые дни, недели и месяцы.

Кстати, долго ждать не придется. Буквально через пару десятков лет, а то и раньше, мы столкнемся с дилеммой: «мало мне или уже много»? И до гробовой доски эта дурацкая задачка станет нашим общим наказанием. Мы будем всегда слишком молоды или слишком стары для того, чтобы делать то, что хочется.

Вот ведь в чем фокус...

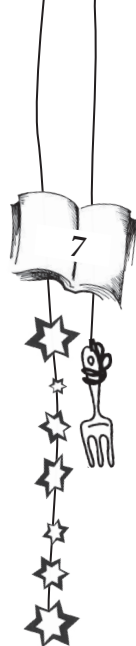
Мы слишком молоды, чтобы иметь детей в 19 лет. Но уже достаточно пожилы, чтобы отдать жизнь на войне за родину, если такая случится.

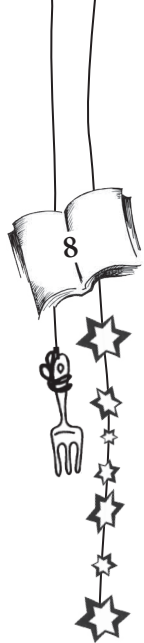
Мы слишком стары, чтобы начать заниматься балетом или арфой в 17, но еще слишком юны, чтобы спланировать будущую карьеру.

Я не исключение.

Я очень редко чувствовала свой «правильный» возраст. Может, это только моя особенность, а все остальные живут в полном согласии с собственной «хронологией»?

Не знаю. Мне никогда не удавалось договориться с паспортом. Наверное, с самого моего рождения существует очевидное неравенство между моим реальным возрастом и тем, на сколько я сама себя осознаю. Душа постоянно находится в полном

раздрае с телом. Тело поначалу еще не окрепло, а все душевные устремления рвутся ввысь, в небо, в сферу недостижимого и высокого. И, напротив, через пару десятков лет, когда физическая оболочка достигает максимального расцвета, мысли становятся приземленными, а душевные устремления обращаются не к небу, а вниз. Пытаются укорениться, осесть, закрепить свое право на этот квадратный сантиметр обихоженной почвы...

Душа совершенствуется, становится тоньше, деликатней, но прибавляются сантиметры на талии. Заглавными буквами искривляются хрупкие коленки, и даже миниатюрные пальчики на ногах становятся толще...

Так лучше или хуже выглядим мы с возрастом?

Мне кажется, что в битве со временем мы проигрываем всегда. Но, только проиграв эту битву, можно почувствовать всю полноту и прелесть жизни. И в этом заключается великая тайна человеческого бытия. Стремления жить максимально долго, оставаясь минимально постаревшим...

Мы проносим свою тайну несогласия с природой через все годы, отмеренные нам судьбой. Мы свято храним ее. Мы чувствуем свою непохожесть и богоизбранность. Мы, подростки, осознаем себя мудрыми старцами. А постарев, чудим как дети...

Не знаю почему, но эта тайна человеческого возраста преследовала меня с самых ранних лет. Еще совсем девочкой я испытывала невероятную эйфорию оттого, что мне удавалось одурачить взрослых, изображая ответственность и зрелость там, где их

отродясь не было, заставляя воспринимать себя в 11 лет успешным и серьезным человеком...

Мне кажется, я была хитройгой всю жизнь. Но не потому, что делала что-то незаконное. Скорее, не так... Я просто всю жизнь играла чужую роль. Роль взрослого человека... И только теперь, став этим взрослым НАВСЕГДА, задумалась: что же это было на самом деле?

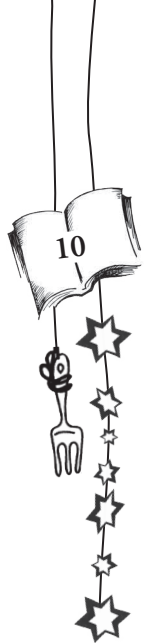
А вы?

Вы никогда не играли подобную роль? Вы не чувствовали себя шизофреником, находясь в постоянном несоответствии с собственным возрастом? Рассуждать в 5 как в 18, и чувствовать себя в 30 юной школьницей?

И все это длится, длится...

Трудно слыть блестящей, умной, цинично безукоризненной, философски проницательной и отстраненно логичной, а на самом деле постоянно бороться с собственными бесами — эмоциями, — объявившими беспощадный джихад и телу, и возрасту, и мыслям.

Вы можете быть бесконечно правы, тонки, мудры, образованны, богаты, но никогда бесконечно счастливы... Откройте любой глянцевого журнала, и вы в течение пяти минут уже будете знать наверняка, что НИЧТО в вас недостаточно хорошо, и есть, по крайней мере, 10 легких шагов, чтобы вас усовершенствовать. Любой автор (национальности, вероисповедания, образования), любая книга (изданная в любой из сотни стран мира) в своих «руководствах» быстро объяснят вам ваше несовершенство

и предложат действенные рецепты улучшения качества вашей жизни. При этом авторы всегда столь толерантны друг к другу, что никогда не посягают на глобальное усовершенствование своих читателей, оставляя за собой и своими коллегами право «исправлять» вас в каком-то одном, микроскопическом, но крайне важном аспекте.

Например, вы знаете, как стать миллионером и продать миллионы экземпляров книги о том, как вы стали миллионером? Отлично! Не знаете? Тогда пишите о том, как стать шикарным, умным, красивым, счастливо женатым или счастливо разведенным, неподражаемо утонченным, спортивным, сексуальным и т. д., и т. п.

Все, что вы должны сделать, — это открыть охоту на человеческое несовершенство, стать мессией, пророком, гуру...

Ну почему наши родители не объяснили нам, что самый ценный опыт самоусовершенствования мы получили в детстве и что та самая жесткая родительская дисциплина должна была воспитать в нас хороших людей? Ответ очевиден.

Но только сами став родителями, мы находим в себе мужество признать, что в этом вечном конфликте отцов и детей никогда не будет победителя и побежденного. Да, мы ПРИЗНАЕМ это, но только в отношении СВОИХ родителей и СЕБЯ. К методам воспитания СОБСТВЕННЫХ детей это уже не относится.

Я не знаю, как у вас, уважаемый читатель, но мое воспитание было закончено в восемнадцать. Моя

мама с отчимом, да и я сама, признали, что больше сделать ничего нельзя. Впредь мне предстояло совершенствоваться самостоятельно. Только тогда я еще не представляла, что это вопрос не одного-двух, а добрых тридцати с лишним лет. И что процесс этот не завершится никогда.

На память о детстве у нас осталось несколько альбомов с фотографиями и воспоминания о том, что нас кормили, лечили и вообще всячески поддерживали. К сожалению, нет технологий, которые позволяли бы сделать фотоснимки души. Вот такой бы архив состояний души нам пригодился значительно больше.

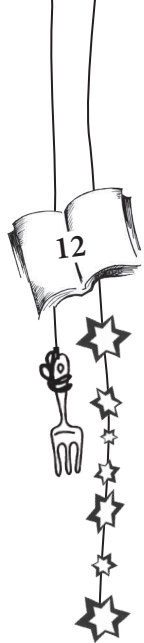
Но увы...

После выхода книги «Рецепты еврейской мамы», на которую я получила тысячи отзывов и писем, мне захотелось быть предельно честной и рассказать, что была еще одна встреча с героями той книги — Анной Ароновной и Борисом Абрамовичем Беренштамами — моими добрыми соседями-наставниками, которые в далеком 1972 году эмигрировали в Израиль.

Какой получится эта новая книга — пока не знаю. Искренне надеюсь, что не только мудрой и грустной, но еще и забавной, полезной, веселой и очень вкусной. Ведь своим увлечением кулинарией я, как вы уже знаете, обязана именно Анне Ароновне.

Итак...

Наступил двухтысячный год. И он по григорианскому календарю високосный год, начинающийся в субботу... А это, как ни крути, шаббат. Ну нельзя

ничего начинать в субботу! Так оно и случилось. И напроисходило в тот год столько, что не только все, пережившие его, помнить долго будут, но и потомки вздрагивать. И хотя большая часть этого года приходилась на 5760 год еврейского календаря, не самого, как вы понимаете, круглого и юбилейного, это мало чему помогло и мало что изменило.

У братьев-белорусов местные белочки и зайчики на дензнаках вымахали до размеров динозавров, и посему их пришлось срочно деноминировать. Англичан заставили учить граммы и килограммы, что привело к мгновенному дефициту калькуляторов, ибо никто из жителей Старого Света перевести унции и фунты на новые меры веса в уме не мог. В России одновременно освятили первой литургией храм Христа Спасителя; повзводно и поротно, со слезами отчаяния хоронили солдат и целыми селами — мирных жителей Второй чеченской и (как мы в это верили) закрыли надолго и навсегда одну из самых кровавых ОПГ — Слоновскую.

В Лейк-Плесидае прошли Игры доброй воли, Sony выпустила свой очередной плейстейшн, над Аляской раскололся на сотни осколков 150-тонный метеорит, и таким же метеоритным дождем то тут, то там просыпались авиакатастрофы, сошли с рельсов поезда, ушли лидеры и президенты, а на их место пришли новые.

В России таким президентом стал Путин. В Грузии — Шеварднадзе. В Сирии — Башар Асад. И мало кто из нас тогда подозревал, что многие наши надежды, или разочарования, или победы, или пре-

дательства, или даже горе войны и возникновения самого кровавого террористического государства-халифата будут как-то связаны с этими странами и этими именами и что им-то (двоим из них) придется с этим самым халифатом сражаться.

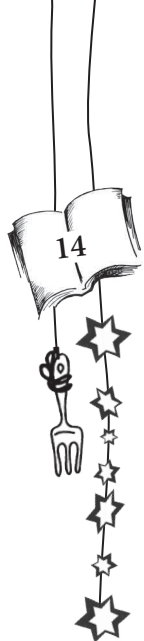
Но для меня 2000 год начался с необычной телеграммы. Ко мне в Москву из Запорожья навсегда переезжали мама и любимый отчим — дядя Володя, о чем, собственно, и телеграфировали. А необычность сообщения заключалась в том, что в тексте была маленькая приписка: «Мира нашла в Хайфе Беренштамов. Хотят к тебе в гости. Можно на День Победы?».

Честно говоря, я даже не сразу поверила в это сообщение. В детстве, в мои пять лет, мне казалось, что мои обожаемые Анна Ароновна и Борис Абрамович уже глубокие старики, а теперь мне самой было уже за тридцать, так сколько же могло быть им лет??? Но, конечно же, я ответила воплями радости, правда, уже не в телеграмме, а по телефону, хотя в духе обожаемого дяди Бори могла бы и телеграфировать коротенькое: «Ой!»

Но это я вам так, телетайпно, рассказываю.

Вы представляете, что такое переезд двух пожилых родителей (одна из которых по жизни хлопотунья, ворчунья и придира, а второй — чопорный и крайне пунктуальный немец) из насиженного гнездышка в незнакомую и пока еще не родную им столицу?

— Дочь, у нас уже получается два контейнера. А у меня не уложены половики, одна большая подушка, подшивки «Литературной газеты» и все Сережкины игрушки? (Забыла вам сказать, что к этому времени я уже была счастливой мамой 15-летнего сына.) Что делать? Может, дополнительно еще один контейнер заказать?

— Мамуль, ну какие игрушки? Парень уже вот-вот на свидания бегать начнет. Вчера они с друзьями пытались угнать из гаража старого Андрюшкиного «Иржика» (Иржиком — лихим скакуном из чешской сказки — мы называли наш первый «Жигуленок», хорошенько «прокаченный» балашихинскими мастерами-автогонщиками и взбрыкивающий на МКАДе до 170 км/ч играючи, за что и получил лошадиную кличку). Я же тебе говорила, что ваша квартира не просто отремонтирована, но и полностью укомплектована всей мебелью, техникой, посудой и даже потенциальным персидским котом, о котором так мечтает дядя Вова. Не вздумайте тащить лишнее!

— Лишнее? Это мою подушку ты называешь лишней? Вы там, в своих столицах, как хотите, а я на паролонках спать не приучена!

— Ладно. Разберемся. Когда вас ждать-то?

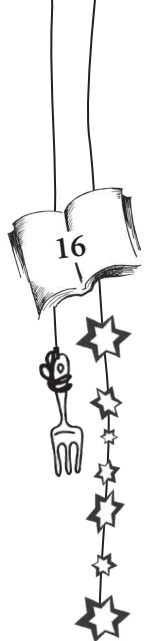
— Ну, смотри... Пока мы продадим эту квартиру... Пока распродадим всю мебель... Потом у меня юбилей, 60 лет все-таки... Очень бы хотелось со всеми Метельскими последний раз посидеть за одним столом.

Мама начала хлюпать носом, и я поняла, что разговор надо срочно заканчивать. И еще я поняла, что раньше середины июня мои старички ни за что в Москву не приедут. Мамулькин будет тянуть до последнего. Это для отчима Москва и Россия были родным домом, где он провел большую часть жизни и куда он рвался со всей сдержанной страстностью урожденного поволжского немца. А мама, хоть и родилась в Москве и даже прожила в районе Павелецкого вокзала до 10-го класса, свою молодость и всю последующую жизнь связывала только с Украиной и Запорожьем, где наша семья оказалась волею судеб в далеком 1957 году, когда мамино папу (моего дедушку) позвали возглавлять испытательный цех на заводе «Моторостроитель», а папину маму (мою бабушку) практически в это же время стали двигать по партийной линии и тоже почему-то в украинском направлении. Вот там-то, в Запорожье, в 60-е годы две наши семьи встретились и потом породнились, явив миру меня.

Правда, папа очень рано умер, зато через 13 лет мамино вдовства в это же самое Запорожье был откомандирован из Москвы мой будущий отчим — Владимир Николаевич — возглавлять какое-то там важное конструкторское бюро.

И если вы помните по книге «Рецепты еврейской мамы», в том же самом чудесном южном украинском городе, в большом и очень интересном интернациональном доме прошло мое детство, где моими первыми настоящими взрослыми друзьями стали

Анна Ароновна и Борис Абрамович Беренштамы, семья одиноких пожилых, веселых и хлебосольных евреев, которые, если так можно сказать, стали мне третьими бабушкой и дедушкой.

В начале 70-х, как только разрешили выезд из СССР, Беренштамы уехали из Союза. Но уезжали они совсем не из-за принципиальных каких-то интересов или несогласия с курсом партии и правительства. Просто случилось так, что во время фестиваля молодежи и студентов 1957 года, проходившего в Москве, их единственный сын влюбился, а потом и женился на пламенной кубинской революционерке, родственнице самого Фиделя, да и уехал вместе с ней на Кубу. Однако революционная дружба двух стран не позволила ни Беренштамам ездить к сыну и внукам, ни им в Союз. Вот и рвались они хоть на историческую родину, хоть куда угодно, лишь бы увидеть и обнять своего любимого мальчика и его многочисленных потомков. Я и не помню сейчас, сколько детей у сына Беренштамов было на момент моего детства — то ли два, то ли четыре, а то ли и все шесть.

И вот теперь представьте, что должна была испытать я, уже взрослая и почти состоявшаяся в жизни и в профессии тетенька, когда узнала, что мои обожаемые «старички», слава Богу, живы, здоровы и даже, возможно, скоро приедут в гости?!

Конечно, я была на седьмом небе от счастья и сразу почувствовала себя той маленькой пятилетней девочкой, которая печатала рецепты на старенькой пишущей машинке дяди Бори и с удовольствием